

1

Хриплое дыхание вырывается из моего рта вместе с паром, растворяясь в холодном утреннем воздухе. Легкие горят от нехватки кислорода, щеки пылают, ног почти не чувствую — я бегу уже двадцать минут по пустой улице. Несмотря на пробежку, руки холодные, словно я недавно держала их под струей ледяной воды.

Четыре утра. Солнце медленно появляется из-за горизонта, и предрассветное небо постепенно становится бледно-розовым.

Я останавливаюсь, чтобы перевести дыхание, и осматриваюсь. В наушниках играет тихая мелодия группы ShamRain, накрывающая все мысли и не позволяющая думать ни о чем, кроме слов песни и подкашивающихся коленях.

Футболка намочла, волосы, собранные в хвост, растрепались.

Город все еще спит. Пустые улицы окутывает тишина, и складывается впечатление, что все жители просто взяли и исчезли, и что в этом мире нет никого кроме меня. Я осматриваю ровно подстриженные газоны, красивые домики с маленькими заборчиками, замечаю флаг США, неподвижно повисший из-за безветренного утра.

Срываюсь с места и продолжаю свою пробежку. Щеки пылают, хочется остановиться и присесть на ближайшую скамейку, но я этого не делаю.

Каждое утро школьный автобус забирает моего соседа на занятия, я же, как обычно, сяду в машину матери и буду слушать скучную классическую музыку.

Моя мама виолончелистка. Она мечтала колесить по стране и выступать на концертах, но у нее ничего не получилось. Она встретила моего отца, забеременела, вышла за него замуж и позабыла о своих планах. Теперь работает в музыкальной академии — преподает уроки игры на виолончели — и каждое утро подвозит меня до школы.

Я ненавижу классическую музыку, и все попытки матери привить мне любовь к музыкальным инструментам провалились. Я не собираюсь осуществлять ее несбывшиеся мечты, только потому, что у нее не хватило на это сил. Я — не она.

Хотя отец всегда говорил, что мы с ней очень похожи. Наверное, поэтому у нас в последнее время с ней не складываются дружеские отношения.

Я всегда любила отца больше. Он военный, часто в разъездах. Участвует в боевых операциях, командует отрядами, иногда его посылают в горячие точки. Он не был дома уже больше трех месяцев, и я безумно скучаю по нему.

Музыкант и военный. До сих пор не могу понять, каким образом родители умудрились полюбить друг друга.

Бок начинает колоть и силы постепенно покидают меня, но я уже вижу впереди очертания дома. Мамина красная машина перед закрытым гаражом, плотно занавешенные окна, рядом с крыльцом дерево, на ветвях которого когда-то висели качели.

Я сбавляю скорость и постепенно перехожу на шаг, упираясь рукой в бок и пытаюсь избавиться от боли. Еле переставляя ватные ноги, подхожу к крыльцу и из последних сил добираюсь до белоснежной двери. Тихо приоткрыв ее, захожу внутрь.

Сонная атмосфера наваливается тяжелой массой, и я вдруг понимаю, как чертовски сильно хочу спать.

Зачем я просыпаюсь каждый день в четыре утра и выхожу на пробежку, ума не приложу. Нормальные люди сладко спят в своих теплых постелях, а я как сумасшедшая нарезаю круги.

Обычно я не возвращаюсь в постель после тренировки: иду в душ, перекусываю, доделываю домашку, иногда успеваю послушать музыку или посмотреть фильм, но вот именно сегодня почему-то жутко хочется спать. Я скидываю кроссовки — один из них заваливается на бок — и плетусь к лестнице, чтобы подняться на второй этаж и оказаться у себя в комнате.

Зеваю и потираю глаза. Раздеваться нет сил, и я прямо в одежде падаю на кровать, перед этим бросив телефон в кресло и даже не выключив музыку.

Уткнувшись носом в подушку, я практически сразу засыпаю.

* * *

— Эмма, иди завтракать! — громкий крик матери, кажется, зовущей меня уже не в первый раз, заставляет сознание резко и мучительно вырваться из сна.

Я вздрагиваю и приподнимаюсь на локте — сердце бьется так быстро, словно я только что пробежала несколько километров, и я не сразу понимаю, что происходит. Где я? Кто я? Что я здесь делаю?

Яркое солнце ослепляет — морщусь и отворачиваюсь от окна, осматриваю идеально-чистую

комнату, сумку на полу, из которой торчат тетради и книги, мятую одежду на кресле и будильник. Сейчас уже почти половина девятого — очередная волна страха накрывает меня с головой, и я вскакиваю с кровати, бегом направляясь в ванную.

— Я проспала! — кричу маме.

И как вообще я умудрилась уснуть после утренней пробежки и забыть завести будильник? Такое со мной впервые. Обычно у меня вечная бессонница — я плохо и, признаться, очень мало сплю.

Наспех почистив зубы и умывшись, привожу свои пепельные волосы в порядок, крашу ресницы, чтобы яркие зеленые глаза казались привлекательнее, но из-за спешки получается неровно, выливаю на себя едва ли не полфлакона маминых духов — я ведь так и не была сегодня в душе после пробежки — и возвращаюсь в свою комнату. Мне требуется меньше пяти минут, чтобы надеть школьную форму и схватить сумку. Быстро спускаюсь по лестнице — юбка задирается, и я поспешно поправляю ее — влетаю на кухню и падаю на стул, бросая сумку на пол.

Матери нигде нет, но передо мной стоит тарелка с яичницей и стакан с молоком. Ненавижу яйца, но привередничать нет времени, потому что я знаю, что ровно в восемь часов сорок пять минут мама выходит из дома, чтобы сесть в машину и уехать на работу, и ждать, пока я нормально поем, эта женщина не будет. У меня есть две минуты — я запикиваю в рот яичницу и, практически не прожевав, глотаю.

Запиваю молоком. Делаю глубокий вдох, чтобы успокоить сердце, и на мгновение прикрываю глаза. Расслабься, Эмма, ты просто проспала. Не позволяй такому пустяку выбить тебя из колеи, ведь сегодня — всего лишь еще один день школьной

жизни. Я отсижу уроки, схожу на дополнительные занятия, после школы пробегусь по спортивной площадке, вернусь домой примерно в пять или шесть вечера, сделаю домашнее задание, может быть, посмотрю какой-нибудь фильм, а потом снова в четыре утра проснусь и отправлюсь на пробежку. Вот и все. Такой пустяк, как опоздание, не изменит моих планов.

— Я ухожу, — голос матери вырывает меня из мыслей, и я вздрагиваю, распахивая глаза.

Мама проходит по коридору к двери, постукивая каблуками по паркету, — слышу звон ключей и звук закрывающегося замка сумочки. Отправив в рот последние кусочки яичницы, залпом допиваю молоко и вскакиваю на ноги прямо в тот момент, когда хлопает входная дверь.

Схватив сумку, бегу в коридор, надеваю туфли и практически кубарем вываливаюсь из дома. Дверь красного кадиллака хлопает, двигатель оживает. Я оказываюсь рядом с машиной, прежде чем мама меняет передачу и давит лакированной красной туфлей на педаль газа. Запрыгнув внутрь, бросаю сумку под ноги и пристегиваюсь прямо в тот момент, когда авто рывком разворачивается и срывается с места.

Из мамы плохой водитель, нет, даже больше — просто ужасный, но, к счастью, она еще ни разу за свою жизнь не попадала в аварию. Как-то она предлагала мне сдать на права, чтобы я смогла сама себя «подвозить» до школы, но я категорически против. Ни за что на свете, ни при каких обстоятельствах я не сяду за руль! Не знаю, откуда у меня такая ненависть к машинам. Наверное, не хочу быть как остальные глупые девчонки, стремящиеся показать, что они могут быть независимыми и крутыми за рулем своих тачек. У нас практически все старшие

классы забили парковку возле школы. Но мне нравится сидеть на пассажирском сиденье и смотреть в окно, а не следить за дорогой и бояться, что я кого-нибудь собою.

Мама молчит. Она вообще у меня неразговорчивая, хотя со своими подружками поболтать любит. Иногда часами проводит с телефоном в руках, обсуждая очередной маникюр у секретарши босса. Со мной же у нее нет общих тем, кроме учебы, отца и... и все. Раньше она была другой. Раньше мы любили проводить вечера вместе, обсуждать мальчиков и соседских девчонок, пить горячий шоколад, смотреть фильмы и танцевать. Я любила танцевать со своей мамой зимними вечерами — мы включали музыку на полную громкость и подпевали новогодним песням. Мама не только прекрасно играет на виолончели, но и красиво поет. Пела. Раньше.

Пока мой старший брат не погиб год назад. Он служил вместе с отцом по контракту, и его группа попала в зону боевых действий. Его убили прямо на глазах у папы. Брату просто не повезло.

С тех пор виолончель пылится в темном углу на чердаке, мама больше не поет, не проводит со мной время и вообще не горит желанием общаться. Может быть, винит меня в смерти Рори? Наверное, она хотела бы, чтобы на моем месте был он.

Мама отчаянно давит на газ, словно хочет, вывернув руль, покончить с собой. Ее красные лакированные туфли играют с педалями, словно со струнами, красный пиджак расстегнут, белая блузка обтягивает грудь, а черная юбка слегка задирается. Мы тормозим на светофоре — мама поправляет прядь светлых волос, смотря в зеркало, и поджигает губы.

— Папа не звонил? — спрашиваю я.

— Нет, — коротко отвечает она, крутанув руль так резко, что я практически ударяюсь лбом о стекло. — Ты же знаешь, он в горячей точке, возможности звонить домой каждый день у него нет.

— Я знаю.

Мы снова молчим. Мне неуютно находиться с ней наедине, словно что-то тяжелое давит сверху и тянет вниз. Я не могу долго смотреть в глаза матери, не могу говорить с ней, не могу свободно дышать рядом. Мне обидно, что она забыла о моем существовании.

Машина останавливается возле ворот школы — поспешно отстегиваю ремень безопасности, хватаю сумку и, не проронив ни слова, выбираюсь на свободу. Дышать становится легче, и тошнотворное напряжение испаряется.

Это просто очередной бессмысленный день моего существования. Вот и все.

2

Рядом с кабинетом географии находится музыкальный класс, и каждый день после занятий кто-то закрывается внутри и играет на фортепиано. Каждый раз, когда я возвращаюсь с пробежки на школьном стадионе, где тренер неистово надрывается, пытаясь натренировать команду по футболу, я прохожу мимо запертой изнутри комнаты и слышу ее — музыку, которую ненавижу больше жизни.

Но, несмотря на мою неприязнь к классике, мне нравится, как этот таинственный незнакомец играет на старом потрепанном пианино. Я не знаю, он это или она, но ему стоит отдать должное. Музыка прекрасна, великолепна и идеальна, и каждый раз, когда я ее слышу, мое сердце замирает.

Я замираю. Останавливаюсь возле кабинета, прилоняюсь спиной к стене и слушаю. Коридор пуст: практически все школьники разошлись по домам, ни один звук не перекрывает звуки фортепиано, и в этот миг есть только я и только этот таинственный незнакомец.

Я никогда не пыталась узнать, кто это, потому что не хочу. Не хочу рушить иллюзии, не хочу терять эту ниточку, связывающую меня как с прошлым, так

и с будущим. Мне нравится неизвестность, поэтому каждый раз, когда мелодия растворяется в тишине, я ухожу.

Но в этот раз все переворачивается с ног на голову и рушит мой привычный распорядок жизни.

— Эмма? — голос подруги вырывает меня из мыслей, эхом разлетаясь по пустому коридору, и мелодия в кабинете резко обрывается, словно незнакомец, услышав голоса, испугался. — Что ты тут делаешь? Я думала, ты уже ушла домой.

Отстраняюсь от стены — сердце взрывается адреналином, и я буквально вижу у себя в мыслях, как дверь открывается, выпуская на свободу музыканта.

Я не хочу, чтобы он знал, что я стояла под дверью и подслушивала. Я не хочу вообще знать, кто это такой.

— Как раз собираюсь, — переборков смущение, выдавливаю я.

Нина подходит ближе и бросает взгляд на дверь. Я не знаю, слышала ли она музыку и знает ли вообще про то, что кто-то каждый день запирается в музыкальном классе, чтобы поиграть.

— Как тренировка? — пытаюсь сменить тему.

Она улыбается и направляется в сторону раздевалки.

— Устала до чертиков.

Нина — теннисистка в третьем поколении. Ее мать и бабушка участвовали в соревнованиях и занимали первые места, они популярны, богаты и помешаны на спорте, но я дружу с ней не потому что вокруг Нины крутится куча парней, фанатов и прочих ненормальных. Мы с ней похожи. Она ненавидит спорт, а теннис особенно, так же, как я терпеть не могу музыку, но в отличие от меня, Нина не может признаться в этом своим родителям. Она

боится подвести их, боится опозорить семью. Она вообще трусишка, хотя со стороны и не скажешь.

— И я. В последнее время жутко устаю, сегодня вообще заснула после утренней пробежки, — жалеюсь я.

— Это же хорошо. — Нина поправляет съехавший хвост, и теперь он выглядит еще небрежнее, чем раньше. — Твоя бессонница отступает, выступишься хотя бы.

— Не думаю, что это хорошо. — Захожу в раздевалку. Дверь скрипит, но я уже давно перестала обращать на это внимания. — Мне это не нравится.

Подруга заходит следом и прикрывает дверь. Я вижу, как Нина закатывает глаза.

— Тебе всегда не нравится, когда что-то идет не по плану. — Она стягивает блузку и бросает на лавку, затем начинает снимать юбку. — Помнишь, что говорит по этому поводу Мил?

— Если что-то идет не по плану, на то воля Императора! — хором пародируем мы подругу, а потом смеемся.

— Ее, кстати, сегодня не было в школе, — замечаю я.

Нина пожимает плечами, роясь в своем рюкзаке.

— Наверное, опять с друзьями-задротами ищет еретиков.

Я фыркаю. Мил — еще одна моя подруга, мы ходим с ней на одни и те же занятия, в отличие от Нины: та выбрала совершенно другое направление в учебе, к тому же, из-за ее спортивного таланта ей постоянно прощают прогулы. Мил же тихая и странная. Любит компьютерные игры и фанатеет по вселенной Warhammer. На эту тему она может говорить бесконечно, но единственное, что я понимаю из ее болтовни: модифицированные

люди сражаются против своих братьев, погрязших в ереси. Они отошли от Императора, стали демонами или что-то вроде того и теперь пытаются захватить вселенную и свергнуть своего отца-Императора. Сама Мил на стороне Империи и якобы борется против «еретиков». Хаос. Красивое и будоражащее слово.

Мил где-то в сети откопала еще троих фанатов этой вселенной и теперь они «Во имя Императора» пытаются искоренить сторонников Хаоса.

Даже не хочу знать, каким образом это все происходит. Я не фанат компьютерных игр и прочей ерунды, мне ноутбук нужен только для музыки, учебы и просмотра фильмов.

Стягиваю мокрую от пота футболку и спортивные шорты. Липкую кожу неприятно пощипывает, и дикое желание отправиться в душ сводит с ума.

— В душ идешь? — спрашиваю я.

— Не. — Нина как раз в этот момент достает дезодорант и пшикает на себя. — Лень. Дома приму ванну. Лови.

Она бросает мне флакон, и я неумело подхватываю его. Что ж, сегодня придется остаться без школьного душа, потому что Нина явно не собирается меня ждать.

Вздыхаю и пытаюсь избавиться от неприятного запаха, после чего ставлю дезодорант на скамейку и потягиваюсь. Тело ломит после пробежки, мышцы неприятно стонут при движении. Мы быстро надеваем школьную форму и собираем вещи.

Я смотрю на Нину — верхние пуговицы ее рубашки расстегнуты, юбка укорочена, галстук расслаблен. Подруга выглядит одетой небрежно, но круто, в отличие от меня. Я смотрюсь со стороны как прилежная девочка-ботаник.

Схватив сумки, мы выходим из раздевалки и бредем к выходу из школы, чтобы оставить этот ад позади. Когда мы проходим мимо музыкального класса, я вижу, что дверь распахнута. Не сдержав любопытства, заглядываю внутрь, но там никого нет. Крышка пианино закрыта, словно никто сегодня даже не прикасался к черно-белым клавишам.

* * *

— Тебе Трис не звонила?

Мы выходим из школы, когда Нина решает начать не особо приятный разговор.

Я поджимаю губы и пару секунд молчу.

— Нет. К счастью. А что?

Нина вздыхает и поправляет на запястье браслет, словно это наручники, натирающие кожу, — я смотрю на ее профиль, скольжу взглядом по веснушкам и незаметному шраму на нижней губе. Подруга рассказывала, что этот шрам оставила ей Трис. Они подрались из-за парня.

— Да названивает мне в последнее время. — Нина немного раздражена. — Все пытается узнать об общественных работах перед каникулами.

— Кто бы сомневался...

Трис — третья в нашей компании. Признаться, я к ней особой симпатии не испытываю. Она жуткая стерва, думающая, что мир крутится вокруг нее. Популярная, красивая и чертовски эгоистичная.

Итак, нас четверо. Эмма, Нина, Мил и Трис.

Когда я пришла в эту школу, Трис и Нина уже дружили. Они были лучшими подругами с самого детства, постоянно проводили время вместе, развлекались, ходили по вечеринкам, в общем, были неразлейвода. Потом они познакомились со мной, и нас стало трое. Через год к нам присоединилась Мил.

Наш квартет дружно просуществовал примерно полтора года, после чего все медленно и бесповоротно начало меняться. Я не знаю причины. Я ее упустила.

Нас было четверо, четверо и осталось. Как привычка, от которой трудно избавиться. Вот только собираемся мы реже и больше не веселимся всей компанией. Трис и Нина теперь не лучшие подруги детства. Они общаются, но между ними словно появилась плотно натянутая струна, готовая разорваться в любую секунду.

И вообще, у меня такое чувство, что каждая из нас ведет свою собственную жизнь: мы больше не вместе, и доверие между нами постепенно испаряется, исчезая в прошлом.

Мил полностью погрузилась в свои игровые миры, постоянно проводит время со своими друзьями.

Нина тренируется, посещает теннисные турниры, ходит на светские вечера, чтобы заводить новые «полезные» знакомства, как всегда говорит ее мать. Подруга полностью погружена в свою бесконечную «золотую» жизнь, от которой ее уже тошнит.

Трис нашла себе шестерок, следующих за ней по пятам и соглашающихся со всеми ее капризами. Она постоянно пропадает на вечеринках, которые сама же и устраивает, тусуется с крутыми ребятами — словом, делает все, чтобы выглядеть в этой школе самой красивой и популярной.

И я. Девочка, что каждую свободную секунду бежит и сама не знает, зачем. В моей жизни все скучно и однообразно. Я просыпаюсь утром, ухожу на пробежку, иду в школу, после снова бегаю, а в моей комнате ждут домашнее задание и, возможно, парочка серий нового сериала. Не считая времени, которое я провожу с подругами, я постоянно одна.

Иногда я думаю, что если они исчезнут из моей жизни, то у меня больше не останется друзей.

— А ты? — Я смотрю на Нину. — Выбрала уже, где будешь отрабатывать все это дерьмо?

Подруга смеется.

— Я проведу два дня в детской больнице. Мама говорит, что такая благотворительность поможет моей карьере. Репутация и все такое.

Она замолкает.

Мы выходим за территорию школы и медленно плетемся по тротуару. Я засматриваюсь на велосипедиста и неожиданно вспоминаю брата. Он тоже любил кататься в свободное время — его горный велосипед до сих пор пылится в гараже.

— Мил вроде решила газеты разносить, — говорю я. — Друзья будут ей помогать.

— Это лучше, чем сидеть с больными детьми и улыбаться фотографам, — фыркает Нина. — Я уж точно не смогу им ничем помочь, если только мама не поднимет им настроение дорогими подарками. Меня уже тошнит от ее «благотворительности». — Она делает пальцами кавычки в воздухе.

В этом вся Нина. Она ненавидит фальшь, но при этом постоянно находится в ее эпицентре. Мне ее даже жаль. Идти наперекор родителям — это практически всегда лишаться их.

Я вспоминаю свою маму, и мне становится грустно.

— А ты?

Подруга смотрит на меня, и я неуверенно пожимаю плечами.

— Я записалась на работы в лагере скаутов. Буду две недели жить в лесу и бегать от гризли.

— Серьезно? — Нина резко останавливается, и мне приходится затормозить. — Это же чертовски далеко! — Она обиженно молчит, словно я бросаю